

Глава I

Этот день я запомню навсегда. И не только из-за того, что тогда произошло. Просто у меня профессиональная память на даты. И десятое апреля того года вряд ли когда-нибудь из нее изгладится.

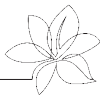
Рано утром, если быть точной, без двадцати восемь, я открыла двери приемной, то есть прибыла на свое рабочее место.

В голове крутились обычные для этого времени мысли и планы.

Значит так, проверить по ежедневнику список встреч, заказать кофе в доставке (осталась последняя пачка), обзвонить тех, с кем встречи еще окончательно не согласованы, уточнить, как дела с пошивкой смокинга, и назначить примерку, и да, конечно же, заменить цветы в вазе.

Валера, точнее, Валерий Михайлович, терпеть не может, когда цветы хоть немного несвежие, поэтому меняю я их раз в два дня. Хризантемы, непременно белые, пышный букет! Я покупаю их по пути на работу.

Только всем этим планам не суждено было сбыться. Я открыла дверь и застыла на пороге: прямо передо мной, за моим столом, восседала дама лет сорока. Ее вряд ли можно было назвать привлекательной: острые

черты лица, тонкие губы, колючий взгляд из-под круглых очков.

В ее профессии сомневаться не приходилось. Спи-на прямая как палка, строгий безупречно выглаженный костюм, минимум макияжа, но главное — особое выражение лица, свойственное только хорошо вышколенным секретарям, настоящим профессионалам. «Сейчас таких уже не делают». На самом деле делают и еще как! Но я не буду отвлекаться, а расскажу обо всем по порядку.

— Здравствуйте, — я не сразу смогла выдавить из себя это простое, в общем-то, слово, — а что вы тут...

— Екатерина? — Женщина сразу взяла быка за рога. — Присядьте, пожалуйста, нам нужно поговорить.

Она указала мне на диванчик для посетителей. Тот самый диванчик, на который обычно я любезно приглашала усесться тех, кого не могут принять сию же секунду.

В ее жесте было столько уверенности, что я без вопросов опустилась на диван. Так стоп, тут какая-то ерунда. Того, что сейчас происходит, просто не может быть!

Я тут же поднялась с дивана:

— Простите, а вы кто? И где Валера... Валерий Михайлович? И почему вы?..

Она сделала жест рукой: мол, сидите.

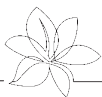
— Валерий Михайлович, должно быть, сейчас в пути. Он приходит на работу ровно в восемь. Вам ли этого не знать?

Я потянулась к сумочке, где лежал телефон:

— Я его сейчас наберу.

— Не стоит. Он попросил меня уладить вопрос с вами.

— А вы кто?

— Я его новый секретарь.

Это не укладывалось ни в какие рамки:

— Это какой-то розыгрыш? Ну так могу вам сказать, уже не первое апреля, а десятое, вы что-то перепутали.

Дама улыбнулась:

— Я никогда ничего не путаю, особенно даты. — Она вышла из-за стола, взяла стаканчик, набрала из кулера воды и подала мне. — У Валерия Михайловича кое-какие изменения. Они с супругой снова решили сойтись. В конце концов, как вам известно, их брак был построен в том числе и на твердой основе бизнес-проектов. — Она сняла очки и посмотрела на меня почти доброжелательно. — Вы должны понять, что в сложившейся ситуации держать в приемной свою любовницу оказалось бы неуместно.

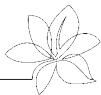
Она говорила совсем бесстрастно. Ни тени осуждения в голосе, хотя я прекрасно знала, как относятся настоящие секретари (а она, несомненно, была настоящим секретарем) к тем, кто позорит честь профессии. «Любовницу».

Противное слово. Оно звучало жутко. В нем не было места ни для чего. Ни для наших совместных поездок по делам по всему миру. Ни для того, как я не отходила от его постели, когда он заболел. Ни для восхищения, с которым он смотрел на меня в Лувре, мурлыча на ухо, что самая большая ценность в этом здании все-таки я.

То, что говорила эта женщина, звучало как приговор.

Я поднялась с дивана и разом осипшим голосом сказала:

— Я, пожалуй, пойду...

Держать спину прямо, бесстрастно и вежливо улыбаться я не перестала даже в этот момент. В конце концов, не только она здесь профессионал!

— Погодите, — остановила меня приемница. — Нам нужно решить еще кое-что. — Она протянула мне пухлый конверт. Судя по очертаниям, там были купюры. — Валерий Михайлович просил передать вам это вместе с рекомендациями: уехать и найти себе работу в другом городе. От себя могу сказать, если к нам обратятся за рекомендацией из какой-нибудь местной компании, рекомендация будет плохая. Если же из соседнего города — хорошая.

— Я поняла. — Пухлый пакет обжигал пальцы.

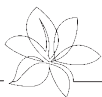
Я аккуратно положила его на краешек совсем еще недавно моего стола и вышла вон.

Я не собиралась уезжать из города. Я прикипела к нему душой, обзавелась друзьями и любимыми местами. В конце концов, он огромный, и в нем два человека могут разойтись так, чтобы вообще не встречаться!

Но нет. Похоже, моя приемница не обманула.

Со дня моего позорного увольнения прошло уже две недели. Я разослала свое резюме куда только могла. В солидные фирмы, в фирмы попроще, а потом даже в те, в сторону которых раньше и смотреть бы не стала. Но дальше собеседований дело не шло.

Потенциальные работодатели все как один сначала приходили в восторг, обещали обязательно позвонить. А потом не звонили.

Срок аренды квартиры подходил к концу, нужно было либо вносить плату, либо съезжать. И я склонялась к последнему.

Снова оказаться в чужом городе и начинать все с нуля — ужасно, но, кажется, оставаться в этом бесполезно и безнадежно.

Я аккуратно складывала вещи в чемодан. Что-что, а это я умела делать быстро и на высоком уровне. Нужно впихнуть в чемодан в три раза больше, чем туда войдет, — не вопрос! За дело берутся профессионалы!

Рядом сидела Рина и с грустью смотрела на мои манипуляции.

— Нельзя сдаваться! Если ты уедешь — значит, он победил.

Я пожала плечами:

— Он и так победил, он не мог не победить. У нас разные весовые категории...

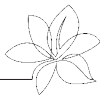
Победил... Да он даже не думал сражаться, просто смахнул меня, как пылинку с идеально чистого смокинга, и тут же забыл.

— И все равно это неправильно.

— Правильно не правильно... Это так, как есть.

Я понимала, почему Рина не хочет меня отпускать. Мы были вместе уже несколько лет. Встретились на первом курсе иняза две провинциальные девочки, да так и не расставались до последнего курса. У нее и у меня в одинаковых рамочках стоят фото: мы, еще такие юные и счастливые, сжимаем в руках красные дипломы.

А после университета мы вместе пошли на невероятно крутые курсы для секретарей. Туда конкурс был — огромный! Притом, что цены за обучение запредельные.

Зато преподаватель и бессменный руководитель Алевтина твердо гарантировала каждой выпускнице действительно хорошую работу.

Начинали обучение тридцать шесть девушек. Через год выпустились семнадцать, остальные ушли: кто-то со злостью хлопнув дверью, кто-то в слезах. Но мы с Ришкой были среди этих семнадцати.

И Алевтина сдержала обещание: нас ждала очень хорошая работа и очень достойная зарплата. За этот год я вместе со своим боссом объездила полмира, шкаф ломился от фирменных шмоток, на столике в несколько рядов стояли духи из дьюти-фри.

А уж когда выяснилось, что мой босс (нестарый еще мужчина, симпатичный, галантный и, что большая редкость, неженатый, вернее, только-только разведенный) влюблен в меня без памяти, жизнь и вовсе засияла радужными красками.

Цену этим краскам и этой «любви» я, увы, узнала несколько позже.

— Ну что присядем на дорожку, — сказала я, застегнув увесистый чемодан, четвертый и последний из имеющихся.

У Ришки глаза подозрительно заблестели.

— Может, все-таки передумаешь...

Я подошла и обняла ее:

— Нет, дорогая. Я здесь просто теряю время. Ничего хорошего меня в этом городе не ждет.

И именно в эту секунду раздался звонок, который изменил все.

Глава 2

Я смотрела на экран телефона и не могла поверить в то, что вижу. Алевтина. Со дня нашего выпуска она мне не звонила. Я даже не была уверена в том, что у нее сохранился мой телефон. Впрочем, что это я! Чтобы Алевтина потеряла чьи-то контакты! Это невозможно.

Я немного помедлила, прежде чем ответить.

Если честно, даже не представляла, чего можно ждать от этой женщины, особенно с учетом всего случившегося. Она примется упрекать меня в том, что я уронила честь профессии? Навсегда разжалует из секретарей? Потребуется компенсацию?

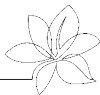
Нет, действительно, этот звонок был очень странным и тревожным. Я откашлялась, нажала на кнопку «ответить» и, как учили, с улыбкой, но не слишком широкой, чтобы не показаться несерьезной, ответила:

— Екатерина Кислицина, слушаю.

— Здравствуйте, Катя. Это Алевтина, ваш преподаватель.

— Очень приятно вас слышать снова. — Я подбежала к зеркалу, чтобы лучше контролировать, не слишком ли высоко поднимаю уголки губ.

— Я слышала, вы сейчас свободны, не работаете, — сказала она.

И я похолодела. Понятия не имею, что она об этом слышала, но вряд ли что-нибудь хорошее.

— Так и есть, — осторожно ответила я, не торопясь предоставлять ей лишнюю информацию.

Что бы там она ни выяснила про мои обстоятельства, чтобы получить от меня ответы, ей придется свои вопросы задать. Этому нас она же и учила: не говорить лишнего, дожидаться, когда выскажется собеседник, а после этого тоже не болтать, а думать, что ответить.

— Полагаю, нам нужно встретиться, завтра в 10:00 у меня в кабинете. Я вас буду ждать. Всего доброго, Катя.

— И что это значит? — спросила я растерянно, но отвечать мне было некому.

Рина, которая слышала весь этот разговор от первого до последнего слова, застыла вместе со мной. Но оправилась от шока быстрее, чем я:

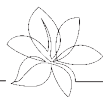
— Я думаю, это значит, что завтра в десять ты должна быть там.

— Но у меня билеты, чемоданы, я сегодня отвожу ключи хозяину!

Впрочем, зачем я это говорю? Она и так все знает.

— Билеты ты можешь поменять, переночевать у меня, вообще все, что угодно, ты можешь решить, кроме одного: если ты сейчас поссоришься с Алевтиной, не то что в нашем городе, во всей стране работы не найдешь. Пойдешь, вон, в школу язык преподавать или синхронным переводчиком, — с угрозой сказала Рина.

Если честно, я не была уверена в том, что наша Алевтина настолько всемогуща, но проверять это на собственной шкуре не хотелось.

— Хорошо, — сказала я Ришке, сегодня ночуем у тебя.

Она с удовольствием потерла ладони:

— Вот и славно. Устроим пижамную вечеринку, закажем пиццу и будем смотреть сериалы всю ночь.

— Нет, дорогая, если я явлюсь к Алевтине с кругами под глазами, она разжалует меня из секретарей навсегда.

— Ну одну киношечку, маленькую... — делано кинючила Ришка, явно чтобы разрядить обстановку.

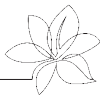
— Если только маленькую. — Я рассмеялась, и мы, подхватив чемоданы, покатали их к лифту.

Идя на встречу к Алевтине, я не ждала ничего хорошего. В последнее время жизнь подсовывала мне исключительно лимоны, и я не видела ни одной причины, почему бы ей перестать быть последовательной и чем-то меня порадовать.

Вообще-то я не склонна к тому, чтобы излишне драматизировать, такой у меня характер. Уже со школы я никогда не рыдала из-за неприятностей, а сразу начинала думать, как исправить их последствия.

То есть, притащив в дневнике двойку по нелюбимой биологии, я говорила маме: «Да, это действительно не слишком хороший результат. Но мне кажется, сейчас не время нервничать по этому поводу. Нужно подумать, как не допустить такого впредь. Я думаю, если ты мне поможешь и уделишь пару часов в день, чтобы заниматься вместе...»

Обычно к этому моменту мама начинала махать руками и говорить, что, кроме моих уроков, у нее еще

есть своя работа и куча других дел. А двойка — это исключительно моя проблема.

Я никогда не нервничала перед экзаменами, потому что продумывала все заранее. Скажем, тридцать пять билетов я знаю неплохо, по десяти в принципе могу что-то сказать, потому что они пересекаются с этими тридцатью пятью, а те пятнадцать, по которым откровенно плаваю... Ну что ж, если попадутся, у меня найдутся шпаргалки.

Да и целый год в заведении Алевтины нас учили быть готовыми ко всему. Вообще ко всему. И до сих пор я вроде бы неплохо справлялась. Но вот чего ожидать от разговора со строгой преподавательницей, я понятия не имела, а потому никак не могла к этому подготовиться. Я явилась в ее приемную ровно в десять ноль-ноль. Поздоровалась с секретарем — такой же безупречной, как и все Алевтинины выпускницы, приоткрыла дверь, улыбнулась — мило, но сдержанно, и сказала:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, Катя, рада вас видеть. — Она указала мне на диванчик. От этого жеста стало нехорошо — что-то похожее уже было недавно. И закончилось плохо.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Да, вы мне нужны. Вернее, не мне. У меня есть для вас работа.

А вот это точно было неожиданно. Последнее, что я могла бы предположить, что после моего грандиозного провала (да что там провала, просто фиаско!) она захочет вновь дать мне работу.

— Скажу сразу, ваш будущий подопечный очень непростой, у него тяжелый характер, и он, как бы это